

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Жерносенко И.А., Дунилов И.М. Жан-Франсуа Лиотар и его теория постмодерна // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.71974 EDN: QUMKXS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71974

Жан-Франсуа Лиотар и его теория постмодерна

Жерносенко Ирина Александровна

ORCID: 0000-0002-8571-6205

доктор философских наук, кандидат культурологии

профессор, зав. кафедрой; кафедра музеологии и туризма; Алтайский государственный институт культуры

656055, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Юрина, 277, ауд. 306

✉ irina.jernosenko@gmail.com

Дунилов Иван Михайлович

ORCID: 0009-0007-6726-5088

независимый исследователь

656055, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Юрина, 277, ауд. 310

✉ irina.jernosenko@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия постмодернизма"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.10.71974

EDN:

QUMKXS

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2024

Дата публикации:

04-10-2025

Аннотация: В статье осуществлена попытка критического анализа теории постмодернизма французского философа Ж.-Ф. Лиотара, оказавшего значительное влияние на дебаты о «постмодерне» / «постмодернизме»; а его книга «Состояние постмодерна» стала одним из важнейших философских сочинений, в котором данный

термин был введен в научный оборот. Концепция «постмодерна», как заката больших нарративов Просвещения, сложилась в науке в условиях политического поражения левых в конце 1960-х начале 1970-х гг., под влиянием теорий науки Т. Куна и П. Фейерабенда, лингвистической теории Д. Остина, теорий перехода к постиндустриальному обществу, а также в рамках спора с Ю. Хабермасом. Науку модерна, легитимируемую внешними идеологическими дискурсами, Лиотар называл «метанарративами»: т.е. наука постмодерна, по его мнению, является лишь одной из «языковых игр», для которой достаточно принципа эффективности. В качестве метода исследования в статье используется компаративный анализ. При рассмотрении теории Ж.-Ф. Лиотара. используются классификации подходов к постмодернизму, предложенные Д. Уэстом и А. Павловым. В результате исследования авторы приходят к выводу, что понимание постмодерна Ж.Ф. Лиотаром лишено целостности: если в науке он фиксирует смену парадигм, то в культуре модерн постулируется им как некий циклический принцип обновления, в котором постмодерн выступает в качестве фазы обновления и порождения нового этапа модерна. Лиотар различал продуктивный «постмодернизм», и негативный, подчиненный логике капитала. Популяризация взглядов Лиотара в науке превратила его тезис о смерти «больших нарративов» в своеобразные идеологические рамки. Однако сам философ не утратил общую объяснительную схему, характерную для «большого нарратива», доведя логику деконструкции, характерную для западного проекта рациональности, до конца. В то же время критическая часть его работы созвучна (пост)марксистской критике экономического дискурса. Так же, как и его предшественники, принадлежавшие к (пост)марксистской традиции, Лиотар не замечает внутреннего потенциала массовой культуры, ограничиваясь прославлением уходящего с исторической арены модернизма. В отечественной науке теория постмодерна, предложенная Ж.-Ф. Лиотаром, воспринимается, преимущественно, как отражение принятого консенсуса о постмодернизме как о критике Просвещения.

Ключевые слова:

Жан-Франсуа Лиотар, Состояние постмодерна, постмодерн, постмодернизм, модерн, конец больших нарративов, Просвещение, история понятий, капитализм, философия науки

Жан-Франсуа Лиотар является одним из основных авторов «постмодернистского канона», чьи концепции достаточно хорошо известны отечественным ученым, хотя одна из основных работ — «The Differend: Phrases in Dispute» [\[1\]](#), так и не переведена на русский. Он был первым философом, использовавшим понятие «постмодерн» в философском сочинении, а именно в книге под названием «Состояние постмодерна» [\[2\]](#), вышедшей в 1979 г. в Париже. Сам термин «постмодерн» Ж.-Ф. Лиотар позаимствовал у литературного критика Ихаба Хассана [\[3, с. 37\]](#). Илья Ильин даже приписывает первенство Лиотару, считая, что деконструктивистский подход и описание послевоенного искусства в качестве постмодернистского были изначально импортированы из Франции в США, где получили развитие в работах Ихаба Хассана и Масуда Заварзаде [\[4, с. 12\]](#). «Состояние постмодерна» — работа, вдохновленная новыми концепциями развития науки Томаса Куна (концепция научных революций или смены научных парадигм), Пола Фейерабенда (концепция эпистемологического анархизма), а также теорией речевых актов лингвиста Джона Лэнгшо Остина, была написана по заказу университетского

совета правительства Квебека [\[2, с. 12\]](#). Исследование было своеобразным ответом в полемике с Юргеном Хабермасом [\[5, с. 272\]](#), возникшей по поводу его (Ю. Хабермаса) книги «Проблемы легитимации позднего капитализма» [\[6\]](#), опубликованной в 1973 г. на немецком языке, в которой анализировались кризисные явления, присущие позднему капитализму. По мнению Хабермаса, капитализм, в качестве системы интеграции общества, нуждается в признании своей легитимности гражданами для социального воспроизводства. Однако эта система разрушается из-за конфликта логик легитимации: внутренней экономической, согласно которой капитализм есть самоуправляющаяся система, и внешней политической (демократической, правительственной) [\[6, с. 42-43\]](#). Таким образом, возникает глубокое противоречие между логикой невмешательства, самодостаточности экономических стимулов и логикой демократического участия, регулирования.

Прежде чем продолжить разговор о творчестве Лиотара, нам следует ввести некую систему координат, чтобы более точно понять, какое место Лиотар занимает в дебатах о постмодернизме, к какой интеллектуальному течению внутри исследователей постмодернизма его можно отнести. Для этого обратимся к книге австралийского философа Дэвида Уэста «Континентальная философия», в которой предложено одно из самых развернутых описаний постмодернизма, а также авторская классификация, на которую мы и будем опираться далее.

Исследователь определяет постмодернизм как «... множество скептических, «антиэссенциалистских» и «антигуманистических» позиций в самых разных дисциплинарных контекстах — начиная с искусства, архитектуры или литературы и заканчивая социальной теорией, психоанализом и философией» [\[7, 323\]](#). Д. Уэст выделяет следующие исторические обстоятельства, повлиявшие на возникновение постмодернизма: мировые войны, тоталитаризм и геноцид, упадок социалистической альтернативы и разочарование в марксизме у части интеллектуалов, а также кризис модернизма в культуре. «Парадокс в том, что этот философский постмодернизм практически незаметно переходит в социологически и исторически обосновываемую концепцию постмодернистской мысли и культуры как выражения актуального состояния западного общества» [там же]. Дэвид Уэст неслучайно называет марксизм «темной материей постмодернистского универсума». Марксизм выступает одновременно и объектом критики, и парадигмой для существующих более общих социологических или социально-исторических теорий постмодерна. Различного рода академические марксисты, пережившие опыт политического поражения, участвовали в спорах, где отстаивали свои версии описания состояния современности и современной (на тот момент) культуры. Уэст выделяет «два обособленных региона» постмодернизма: постмодернизм как радикальную критику Просвещения (философский постмодернизм), и постмодернизм, связывающий культурные тенденции с состоянием общества на определенной его стадии (постмодернизм социальной и культурной теории). Можно поспорить о недостаточной точности и спорности определения (разве обе версии не могут быть «философскими?»), но исследователь указывает на весьма существенное различие между подходами. Если первый отрицает саму возможность построения универсальной теории, то второй предполагает включение постмодернизма в более общий проект [там же, с. 335].

Опираясь на концепцию Д. Уэста, Жана-Франсуа Лиотара можно назвать (с определенными оговорками) представителем первого подхода. Уэст весьма осторожен в оценках при отнесении ученых к «постмодернистам», поэтому, например, считает Жака

Деррида и Мишеля Фуко лишь предтечами постмодернизма.

Среди российских ученых размежевание между постмодернизмом как критикой проекта Просвещения и собственно социальной и культурной теорией постмодернизма, проводит ведущий отечественный исследователь постмодернизма и постпостмодернизма Александр Павлов. Социальный теоретик понимает постмодернизм как философию культуры и как язык культуры. Постпостмодернизмом Павлов называет совокупность теорий, призванных вытеснить, заменить постмодернизм в качестве более подходящего современному состоянию культуры языка описания. А. Павлов отмечает, что постмодернизм преимущественно относится к западной культуре и обществу. Философия постмодернизма для него — это, в первую очередь, те авторы, которые использовали данный термин и соответствующую оптику для описания состояния культуры конца XX века [8, с. 50-54]. Напротив, для философа и культуролога Михаила Эпштейна [9] и искусствоведа Александра Якимовича [10] характерно отношение к постмодернизму как к универсальному культурному феномену, своеобразному духу времени, принимающему оригинальные локальные формы.

Для удобства Павлов предлагает в качестве рабочего определения использовать устоявшееся в отечественной литературе разделение «постмодерна» и «постмодернизма»: «постмодерн – это историческое и культурное состояние западного общества и язык его описания, а (пост)постмодернизм – течение: в 1) искусстве, 2) литературе и 3) социальной и культурной теории» [8, с. 53-54]. Следует сказать и о том, что явной границы между постмодерном и постмодернизмом, как и четких определений, в англоязычной сфере нет, о чем прекрасно известно А. Павлову, поэтому, вероятно, автор намеренно разводит типологически данные концепты, чтобы сориентировать читателя в столь неоднозначных определениях. Усложняется работа с дефинициями ещё и тем, что в английском используются термины «postmodernism», «postmodern» и «postmodernity». Впрочем, деления на «постмодерн» и «постмодернизм» А. Павлов строго в своих работах не придерживается. Мы предлагаем использовать термины в том значении, какое они имеют у цитируемых авторов, либо в качестве синонимов, если не оговорено иное.

Усвоение понятия «постмодернизм» русскоязычными авторами имеет ряд особенностей. Исследования обычно ограничиваются областью эстетики и, шире, высокой культуры, а также опираются на схожий корпус текстов, в котором главенствующее положение занимают тексты французских постструктуралистов. В качестве примеров можно привести работы Надежды Маньковской [11], Вадима Руднева [12], Ильи Ильина [4], Вячеслава Курицына [13], Валентины Диановой [14], Александра Маркова [15], Дмитрия Хаустова [16], Александра Якимовича [17: 10], Михаила Эпштейна [9] и многих других. Сама же дискуссия о постмодернизме, т.е. о том, каким образом описывать новейшие культурные тенденции, проходившая, главным образом, на литературных кафедрах североамериканских университетов, начиная с 1970-х г. (и чьим побочным продуктом можно считать продвижение французских постструктуралистов в качестве «постмодернистов»), практически осталась не освещена и не усвоена в отечественной науке до последнего времени. Отчасти непрояснены и социально-экономические условия появления постмодернизма, включая особые институциональные предпосылки возникновения «французской теории», коль скоро многочисленные авторитетные ученые считают её философской базой постмодернизма. В качестве специального исследования на данную тему можно привести статью социолога Александра Бикбова «Осваивая французскую исключительность, или фигура интеллектуала в пейзаже» [18]. Александр

Марков также в своих лекциях уделяет этому обстоятельству внимание, хотя и в ином ключе [\[15, с. 17-36\]](#).

Все это в полной мере относится и к анализу творчества Ж.-Ф. Лиотара многими отечественными исследователями. Этот французский философ является не только одним из основных представителей «постмодернистских» философов, но и ученым, использовавшим концепции постмодерна и постмодернизма в собственных исследованиях. Однако, как отмечает Олег Горяинов, разграничение этих ипостасей достаточно редко проводится исследователями [\[19\]](#). Поэтому пунктирное и довольно спорное описание Лиотаром контуров информационного общества, не становится предметом пристального внимания российских исследователей, как и марксистские обертоны, звучащие в его (Ж.-Ф. Лиотара) трудах при описании институциональных и дискурсивных рамок, накладываемых реалиями капитализма.

Чтобы лучше понять контекст формирования его концепции постмодерна, обратимся к более раннему творчеству философа. Ж.-Ф. Лиотар — специалист по философии Канта [\[19\]](#) и бывший либертарный социалист, состоявший в группах «Социализм или варварство» и «Рабочая власть» в 1950–60-х гг. Его работа «Либидинальная экономика» (1974 г.) [\[20\]](#), была опубликована на русском в только 2018 г. в серии «Новое экономическое мышление».

Двумя годами ранее в 1972 г. свою «партизанскую» философию предложили философ Жиль Делёз и психоаналитик Феликс Гваттари в книге в «Анти-Эдип», ставшей первой частью двухтомника «Капитализм и шизофрения» [\[21\]](#). Книга вышла после майских событий 1968 г. во Франции, которые привели к крушению голлистского режима, но не к социальной революции. Французские социологи Люк Болтански и Эв Кьяпелло утверждают, что эти события не прошли бесследно, а антикапиталистическая критика была усвоена, инкорпорирована, став частью «нового духа капитализма» [\[22\]](#). После столь значимого поражения левых сил Ж.-Ф. Лиотар решил заняться перековкой экономики в экономику желания — либидинальную экономику. Это была своеобразная «антифилософская» стратегия для времени, когда традиционные марксистские доктрины потеряли влияние, а надежды на появление нового агента социальных преобразований не оправдали себя. Ж.Ф. Лиотар пришел к выводу: капитал разрушает традиционные структуры и идентичности, приводя к тому, что рабочие, в действительности, «наслаждаются» эксплуатацией, саморазрушением и потерей идентичности, так как капитал есть скрытый объект желания эксплуатируемых. Нужно полностью переформатировать структуру желаний с помощью достижения особого аффективного состояния, что может случиться только тогда, когда мазохистское удовольствие станет «непереносимым» [\[20, с. 190-192\]](#). Как можно заметить, Лиотар сохраняет элементы марксизма, но использует (весьма вольно) фрейдистский словарь, превращая борьбу за социальные изменения во внутренний процесс трансформации желаний и практик. Очевидно, что подобная работа по преобразованию желания более подходила художественному левому авангарду, эстетические коды которого будут трактоваться как политические. По мнению Надежды Маньковской, «разрабатываемый Лиотаром прикладной психоанализ искусства направлен на создание концепции художественного творчества как универсального трансформатора либидозной энергии» [\[11, с.70\]](#). Анархистские стратегии внутреннего сопротивления и освобождения получили дальнейшее развитие в работе Лиотара «Состояние постмодерна» [\[2\]](#).

Так чем же, по мнению Лиотара, является постмодерн? Во введении к своей знаменитой

книге он написал: «Упрощая до крайности, мы считаем постмодерном недоверие в отношении метарассказов» [2, с. 101]. Позднее французский философ подробно раскрыл, как же он понимает понятие «метанарратив»: «Рассказы эти — не мифы в смысле выдумки (даже христианской). Конечно, как и мифы, они ставят своей целью легитимировать социальные и политические институты и практики, законодательства, этики, стили мышления. Но в отличие от мифов они ищут эту легитимацию не в изначальном основополагающем акте, но в подлежащем свершению будущем, т. е. в Идее, подлежащей реализации» [23, с. 34]. Иначе, это своеобразные идеологические дискурсы, претендующие на универсальность и подкрепленные проектом будущего, своеобразной философией истории. Хотя формально «Состояние постмодерна» посвящено научному знанию, претензии философа к метарассказам явно выходят за рамки описания современного на тот момент состояния науки.

Что понимает Ж.Ф. Лиотар под определением «метарассказы» (или «метанарративы»)? Первый из этих метарассказов, проявившийся ещё в немецком идеализме, опирается на логику развития сверхсубъекта, определяемую Гегелем в качестве «жизни Духа», а Фихте в качестве «божественной жизни». Преобразование знания, общества и государства и есть разворачивание этого божественного субъекта в истории. При таком подходе легитимация знания заключена в нем самом. Второй метарассказ связан с настроениями эпохи Просвещения. Наука является правом людей, а осуществление этого права отсылает к идее справедливости самих социальных институций. Преобразовательная сила науки, скорее, инструментальная, направленная на проект освобождения от тирании и улучшения общества. В данном случае легитимность науки связана с политическим, национальным проектом. Если первый нарратив ближе для сферы высшего образования и научных работников, то второй для государственных чиновников и среднего образования. Но одной из главных мишеней для Лиотара служит марксизм: «Марксизм колеблется между двумя способами нарративной легитимации, которые мы только что описали. Партия может занять место университета, пролетариат — место народа или человечества, диалектический материализм — место спекулятивного идеализма и т. д. Можно таким образом проанализировать сталинизм и его специфическое отношение к науке, роль которой сводили к тому, чтобы давать цитаты для метарассказа о марше к социализму как эквиваленту жизни духа. Но можно и наоборот, в соответствии со второй версией, развивать в себе критическое знание, полагая, что социализм есть ничто иное как свободный субъект и что оправдание существования наук в том, чтобы давать эмпирическому субъекту (пролетариату) средства его освобождения от отчуждения и репрессий (это отражает позицию Франкфуртской школы)» [2, с. 90]. Очевидно, что марксизм является одним из «больших нарративов», но, с другой стороны, отказ от одного из самых развитых и перспективных критических дискурсов лишает проект постмодерна Лиотара внешней оптики и целостности.

Проект Просвещения, характеризующийся, согласно Хабермасу, разделением сфер науки, морали и культуры, должен был служить не только реализации потенциала свободного обособленного развития, но совместно влиять на преобразование жизненного мира [24, с. 16]. Из-за специализации и институализации возник разрыв, как разделяющий специалистов из разных областей, так и отделяющий их от публики. В результате проект преобразования социальной жизни так и не был реализован. Проект Просвещения, отстаиваемый Ю. Хабермасом и трактуемый Ж.-Ф. Лиотаром как реализация всеобщности, по мнению последнего, не просто развалился на части, но был уничтожен. Освенцим, восстания в Восточной Европе против коммунистических режимов,

восстание 1968 г. во Франции, экономические кризисы 1970-х делегитимировали различные политические проекты: не только коммунистический или националистический, но и либеральный. Местные идентичности и национализм победили рабочий универсализм. Как бы то ни было, проект Просвещения уничтожила логика его собственного развития, заключающаяся в последовательной критике и деконструкции основ, будь то традиции, власть и же сам человечески разум. Об этом пишет и А. Якимович [\[10, с. 244-245\]](#), и Д. Уэст [\[7, с. 338\]](#). Однако научный дискурс может существовать и без внешней идеологической основы, например, в качестве одной из языковых игр — само развитие науки, технологий сделало подобное возможным. Термин «языковые игры» Лиотар взял у Людвиг Витгенштейна [\[2, с. 32\]](#). Можно заметить, что подобный скрытый технологический детерминизм, характерный, например, и для проекта «постиндустриального общества» Даниэля Белла, базируется на выделении более или менее автономных областей общественной жизни. Сам Белл выделял следующие сферы: технико-экономическую, политическую и культурную [\[25, с. CXL\]](#). Такое обособление, в отличие от Хабермаса, для Белла не является препятствием для реализации социальных преобразований, а позволяет обосновывать зарождения нового постиндустриального общества, общества примата теоретического знания, а также сочетать противоречивые личные пристрастия в сфере политики, экономики и культуры.

Нарративы не исчезают, а лишь «мельчают». Для научных языковых игр, служащих для производства нового знания, требуется определённое согласие участников, признание ими определённых правил, т. е. консенсус, но не «большой» в духе Хабермаса, распространяемый на все общество, а множество локальных, постоянно пересматриваемых — при этом главным двигателем выступают споры, несогласие. Научные теории появляются и исчезают. Это легитимация науки через «паралогию» — так Лиотар называет (анти)метод науки постмодерна [\[2, с.143\]](#). Существует и иной принцип легитимации науки, который Лиотару явно менее симпатичен: это принцип прагматической легитимации, в конечном счете, отсылающий к экономической эффективности и примату экономического дискурса. Н. Маньковская считает, что «специфика постмодернистской ситуации заключается в разочаровании в недавнем идеале научности, связанном с оптимизацией систем, их мощью и эффективностью» [\[11, с. 201\]](#). По мнению В. Диановой двоякое отношение Лиотара к технологиям обусловлено как их потенциалом раскрепощения, разнообразия, так и подавления, стандартизации [\[14, с. 182-183\]](#). Стоит отметить, что в эклектичной работе Лиотара тема информационного общества и его генезиса не раскрывается в должной степени, а, скорее, постулируется само его наличие. При этом главным принципом будет эффективность соотношения входа/выхода, то есть самодовлеющая и оставшаяся без легитимирующих идеологий рациональность модернизма. Решающее значение здесь имеет интенция. По мнению Терри Иглтона, Ж.-Ф. Лиотар не может предложить ничего, «кроме анархистской версии той же самой эпистемологии, а именно, партизанские вылазки «паралогии», которые время от времени могут вносить разрывы, нестабильность, парадоксы и микрокатастрофы в эту, подавившую всех, техно-научную систему. Иначе, против «плохой» прагматики направляется прагматика «хорошая»; но она всегда обречена на поражение, потому что давно забыла о великом проекте Просвещения, об эмансипации личности — все мы теперь знаем, что этот проект был чисто метафизическим» [\[26, с. 300\]](#).

Напряжение между потенциальной элементарной свободой «власти над сообщениями» отправителей, и теми, через кого они проходят, кому они адресованы, многочисленными хаотичными путями и перекрестками [\[2, с. 45-46\]](#), ростом количества и роли коммуникаций,

и институциональными правилами, регулирующими и ограничивающими свободу, так и не снимается в модели постмодерна Лиотара. Философ одновременно надеется на то, что традиционные институты ослабнут, хотя и не исчезнут в ближайшем будущем, но при этом констатирует факт товаризации знания, подчинение системы образования принципу эффективности и производству персонала для рынка труда. Более того, усложнение исследований приводит к тому, что техническая вооруженность трансформируется в «правоту»: кто богаче, лучше оснащен, тот и прав. Проект «капиталистической технонауки» дает лишь ложные обещания. Понятны опасения Лиотара по поводу концентрации власти-знания в руках технократов в случае «технонауки», но не очень понятно, насколько независимой может оставаться расщепленная наука. Социолог Фрэнк Уэбстер, в своей книге посвященной критическому обзору теорий информационного общества задается вопросом: кто, в конечном счете, будет определять приоритетность финансирования тех или иных научных проектов? [\[27, с. 59\]](#). Имеет ли значение качество информации при увеличении её количества, возможностей манипуляции и дифференциации доступа к более «качественной» информации [Там же, с. 217-218]? Да и сама возможность инфляции знаков и выработка безразличия от пресыщения и информационной перегрузки, в духе описаний Жана Бодрийяра, не стали предметом анализа Лиотара. Может ли конкуренция государства и корпораций создать зазоры, необходимые для свободного исследования?

Но, анализируя современные реалии, убеждаемся, что во многом Ж.-Ф. Лиотар был прав в своих прогнозах и выводах. Автономия академической науки остается в прошлом. Система образования подчинена экономическому диктату, её принципом является результативность при производстве специалистов, а не граждан, компетенций, повышению конкурентоспособности государства, а не «прогрессоров» с цивилизационными (какими бы они ни были) идеалами. Наиболее востребованным будут руководители, эксперты в новых перспективных отраслях, рекрутируемые из элит. Массовое образование же служит для воспроизведения профессиональных компетенций. Остаётся ещё масса потенциально безработных — это студенты гуманитарных факультетов, чья востребованность на рынке труда значительно ниже масштабов «производства». Компьютеризация и банки данных заменяют память. Если доступ к информации демократичен, то возрастает роль компетенций, связанных с поиском комбинаций, отсюда вполне утилитарный интерес к междисциплинарным исследованиям. Изменение реалий и расширение возможностей требует постоянной профессиональной переподготовки [\[2, с. 116-129\]](#). Можно нарисовать и куда более мрачную перспективу, ведь сокращение занятости при росте производительности и ограниченности рынка «высоких технологий» может привести не к «постиндустриальному обществу», даже в богатых странах, а к своеобразной версии «образовательного кейнсианства», сопровождаемого инфляцией дипломов (в стиле прогнозов социолога Рэндалла Коллинза [\[28\]](#)), то есть социальной стратегии, когда государство субсидирует задержку «лишних» специалистов в системе образования. Одновременно повышаются требования к образованию для профессий, где они явно избыточны. Это решения политические. Удивительно, что достаточно пессимистичный анализ Ж.-Ф. Лиотара сочетается с надеждами на новую науку постмодерна.

Позднее, в текстах, вошедших в сборник «Постмодерн в изложении для детей», Ж.-Ф. Лиотар продолжает полемику с Ю. Хабермасом, начатую в «Состоянии постмодерна», обращаясь уже не только к области научного знания, но и искусства, и политики. Логика модерна состоит в переосмыслении стандартов, задаваемых предшествующими художественными течениями и авторами. Так Поль Сезанн переосмысливает

импрессионизм, Жорж Брак и Пабло Пикассо предметность Сезанна, а Марсель Дюшан ставит вопрос о картине как о медиуме и т.д. Таким образом, момент преодоления модернизма (постмодернизм) в художественном произведении является одновременно рождением модернистского произведения. Цель современного искусства — представлять «непредставимое», то, что можно помыслить, но не увидеть [\[23, с. 25-32\]](#). Модернизм и постмодернизм образуют своеобразный цикл обновления модерна. В. Дианова подчеркивает, этот цикл конечен, а модерн «содержит обещания преодоления себя самого, после чего можно будет констатировать конец эпохи и датировать начало следующей» [\[14, с.180\]](#).

Собственно, «реализм», «трансавангардизм» («постмодернизм» в духе архитектора Чарльза Дженкса [\[29\]](#)) есть «негативный» вариант «постмодернизма», противостоящий настоящему авангарду. «Реализм, единственное определение которого состоит в том, чтобы избежать вопроса о реальности, подразумеваемого в опросе об искусстве, всегда локализуется между академизмом и китчем» [\[23, с. 19-21\]](#). Этот «постмодернизм» или эклектизм есть «нулевая степень мировой культуры», потакание вкусам публики, когда критерием успеха выступает прибыль [там же]. В данном случае диктат партии сменяется диктатом рынка. В области искусства Лиотар фактически стоит на модернистских позициях: он объясняет и защищает концепцию автономии критического авангардного искусства в рамках модернизма, критикуя «постмодернизм» в искусстве и архитектуре. Советско-американский культуролог Михаил Эпштейн считает, что концепции Фредрика Джеймисона и Жана-Франсуа Лиотара дополняют друг друга: вторичный и цитатный постмодернизм, как его описывает Джеймисон, сменяется лиотаровским постмодернизмом, «который заново возвращает нас к "первичному после вторичного", к состоянию рождения, но уже опосредованному опытом цитатности» [\[9, с. 289.\]](#) То есть речь о своеобразном обновлении модерна, но уже с уточнениями Эпштейна. Однако сам Лиотар описал вторичный и цитатный «постмодернизм» как «трансавангардизм». Массовая культура, распространению и особенностям которой уделено внимание в работах Фредрика Джеймисона, Дэвида Харви и других ученых, не стала объектом внимания ни Ж.-Ф. Лиотара, ни М. Эпштейна.

Понимание авангарда как критического локуса культуры, по нашему мнению, созвучно идеям представителей Франкфуртской школы. Например, понятие «реализм», как его раскрывает французский философ, напоминает описание аффирмативного характера культуры Герберта Маркузе [\[30\]](#). Ж.-Ф. Лиотар не оплакивает «большие нарративы», банкротство которых для него столь очевидно, хотя чаяния и конфликты, которые они породили, и привели к революции в области искусства. Если Ю. Хабермас мечтает о возвращении некоего органического единства, едва ли существовавшего когда-то, не учитывая критику, то французский мыслитель пытается отстоять один из осколков Просвещения, все ещё ценит революционность формальных культурных поисков.

Нетрудно заметить противоречие, возникающие при сопоставлении ситуации в науке и в искусстве в трактовке французского мыслителя. **Если в науке постмодерн вытесняет модерн, то в искусстве модерн продолжает своё существование как принцип обновления.**

Таким образом, сущностными и отличительными чертами теории постмодерна Ж.-Ф. Лиотара являются: постулирование заката «больших нарративов», лингвистических и коммуникативных свобод, описываемых в рамках концепции «языковых игр»; эффективность в качестве достаточного основания в ситуации упадка метарассказов,

различия в трактовке постмодерна в науке и культуре. Нельзя сказать, что Лиотар игнорировал влияние институций или распространения экономического мышления в качестве универсального. Однако, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, капитализм не является политически предписывающим, сочетаясь с самыми разными политическими режимами, хотя и является тоталитарным в дискурсивном измерении: «Он приспосабливается к республиканским институтам, однако плохо переносит террор (который разрушает его рынок). Он прекрасно уживается с деспотизмом (мы это видели на примере нацизма). Упадок больших универсалистских рассказов, включая либеральный рассказ об обогащении человечества, ничуть его не тревожит. Капитал, можно сказать, не нуждается в легитимации, он ничего не предписывает — в строгом смысле обязательства, — и как следствие ему не нужно предъявлять какую-либо инстанцию, которая нормирует предписание. Он вездесущ, но скорее, как необходимость, чем как конечная цель» [\[23, с.87\]](#). Проблема состояла в том, что после разгрома левых сил во Франции, Лиотар продолжал «игнорировать слона в комнате»: ему пришлось сначала доказывать, что капитализм вообще не метарассказ, а потом, что он является метарассказом обо всем и ни о чем. Пока существовала альтернатива в виде социалистического лагеря, предпочтение капитализма руководству партии еще могло сосуществовать с «левой» позицией, но могло легко превратиться в апологию капитализма на фоне ускоренного вырождения и крушения СССР, триумфа рейганомики и тэтчеризма. В более поздних работах Лиотар предпринял попытку исправить теоретические недостатки собственных построений, более подробно раскрыв понятие «справедливости», которое он не считает устаревшим или отжившим [\[2, с. 157\]](#). Тем не менее Д. Уэст утверждает, что позиция Лиотара «сходится в пределе с марксизмом, поскольку предполагает, что капитализм остается проблемой» [\[7, с. 336\]](#).

До наших дней вполне сохранился ещё один «большой нарратив», непосредственно связанный с проектом Просвещения, появлением гражданского общества и одновременно самыми массовыми и жестокими войнами в истории человечества: нарратив национального государства и нации.

Американский философ Фредрик Джеймисон утверждает, что Лиотар «переносит прежние идеологии эстетики высокого модернизма, прославление его революционной мощи, на саму науку и научное исследование. И как раз безграничная способность последних к инновации, изменению, разрывам и обновлению придаст системе, которая в противном случае будет репрессивной, неотчуждаемое возбуждение от нового и «неизвестного» (последнее слово встречается в тексте Лиотара), а также от риска, отрицания конформизма и разнообразия желаний» [\[5, с.287\]](#). Утешиться возвратом к протестному потенциалу культурного авангарда не удалось: модернизм институализировался и поглощался логикой капитала, поэтому проецирование надежд на новую науку призвано отвлечь от кризиса культуры модерна.

Дмитрий Хаустов отмечает, что Ж.-Ф. Лиотар, постулируя упадок больших нарративов в качестве аксиомы, сам занимается мифотворчеством [\[16, с.27-28\]](#). Иронично, что сама концепция «смерти метанарративов», получившая значительное распространение в академической науке, стала своеобразными сдерживающими рамками, препятствующими появлению и популяризации тотализирующих критических теорий общества. Нетрудно провести параллели и между превозносимыми Лиотаром «малыми» формами научного знания и проектной занятостью, временными контрактами в качестве формы ускользания, и даже гиг-экономикой, т. е. экономикой услуг по требованию, предоставляемых независимыми подрядчиками, для организации работы которых обычно

служит цифровая платформа. Так теории Лиотара, которого вряд ли можно причислить к апологетам экономизма, могут вполне служить «новому духу капитализма».

Лиотар использовал объяснительную схему, характерную для больших нарративов, развив её до логического конца: большие нарративы, приведшие к ужасным трагедиям, деконструируют сами себя, после чего наступает своеобразный «конец истории». С другой стороны, он опирается на скрытый технический детерминизм, приводящий к появлению «постиндустриального общества», «информационного общества» как некоего социального артефакта. Лиотар не приводит достаточных доказательств в пользу наступления какого-то качественно отличного этапа развития общества, зато критическая часть его работы, посвященная диктату экономической рациональности и угрозе государственных и корпоративных институтов, позволяет трактовать «Состояние постмодерна» не столько как предвестник нового общества и науки, а как описание триумфального шествия экономического дискурса, который вытесняет и подменяет все остальные виды легитимирующих дискурсов. Лиотар старательно игнорирует современное состояние культуры, предпочитая обсуждать модернистских авторов. Он не видит никакого внутреннего потенциала у коммерциализированной массовой культуры, как и его предшественники, принадлежащие к Франкфуртской школе, а также многие отечественные исследователи постмодернизма.

Если же говорить об особенностях интерпретации теории постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара многими русскоязычными учеными, которых можно отнести к преобладающей традиции, то представляется, что особенности трактовки связаны с типичным для отечественной гуманитарной науки подходом к постмодернизму: концентрации на эстетике, высокой культуре, доминировании понимания постмодернизма как преимущественно критики Просвещения и определенных художественных стилей; недостаточному вниманию к социально-историческим условиям его появления и развития, сглаживанию критических моментов, абсолютизации плюрализма при отсутствии выраженной классификации. Все это позволяет не замечать явные противоречия как внутри теорий одного автора, так и между различными авторскими концепциями. Постмодернизм, как нам представляется, скорее рассматривается как некий консенсус, чем как спор в рамках общего дискурсивного пространства.

Библиография

1. Lyotard J.-F. The Differend: Phrases in Dispute. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 232 p.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
3. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с.
4. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
5. Джеймисон Ф. Введение [к книге Жана-Франсуа Лиотара «Постмодернистское состояние: Доклад о знании»] // Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 270-287.
6. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. 264 с.
7. Уэст Д. Континентальная философия. Введение. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.
8. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. Изд. 3-е, дополненное. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 584 с.
9. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000.

368 с.

10. Якимович А.К. О лучах Просвещения и других световых явлениях. Культурная парадигма авангарда и постмодерна // Иностранная литература. 1994. №1. С. 241-248.
11. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000 г. 347 с.
12. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
13. Курицын В. Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 286 с.
14. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: ООО «Издательство "Петрополис"», 1999. 240 с.
15. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна: лекции по теории культуры. М.: РИПОЛ классик, 2019. 256 с.
16. Хаустов Д. С. Лекции по философии постмодерна. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
17. Якимович А.К. Утраченная Аркадия и разорванный Орфей. Проблемы постмодернизма // Иностранная литература. 1991. № 8. С. 229-236.
18. Бикбов А. Осваивая французскую исключительность, или фигура интеллектуала в пейзаже // Логос. 2011. № 1 (80). С. 3-27.
19. Горяинов О. Экономика, которой «нам» не хватало // Свежая газета. Культура. 2018. №№ 19-20 (148-149). С. 28.
20. Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
22. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
23. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 145 с.
24. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 7-31.
25. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 2004. 578 с.
26. Иглтон Т. Капитализм, модернизм и постмодернизм // Современная литературная теория. Антология / Сост. Кабанова И. В. М.: Флинта; Наука. 2004. С. 295-312.
27. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
28. Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. Есть ли будущее у капитализма? М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 61-112.
29. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
30. Маркузе Г. Аффирмативный характер культуры // Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 318-359.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Содержание представленной к публикации статьи, на мой взгляд, несколько выходит за рамки своего названия. Это утверждение не является замечанием к работе, а, напротив, определенной похвалой. Название статьи слишком «скромное», поскольку, помимо четкой и грамотной реконструкции теории постмодерна Х.-Ф. Лиотара, она содержит обоснованную критику ряда ее положений, соотнесение выводов и прогнозов философа

с современным состоянием общества и критический взгляд на отечественную традицию рассмотрения постмодернистской философии.

Отличительными чертами теории постмодерна Ж.-Ф. Лиотара, по мнению автора статьи, является, во-первых, постулирование заката «больших нарративов», таких как нарратив о преобразовании знания, общества и государства в результате развития «мирового Духа», просветительской нарратив о науке как освобождающей и улучшающей общество силе и, наконец, марксизма, колеблющегося между первым и вторым нарративом. Во-вторых, особенность лиотаровской концепции постмодерна является убеждение, что на место названных метанарративов заступает постулирование некой «эффективности», когда «система образования подчинена экономическому диктату, её принципом является результативность при производстве специалистов, а не граждан, компетенций, повышению конкурентоспособности государства, а не «прогрессоров» с идеалами». Наконец, в-третьих, Лиотар выделяет от других теоретиков постмодерна различие трактовки постмодерна в науке и в культуре.

В то же время автор статьи отмечает, что, постулируя упадок больших нарративов, Лиотар сам занимается их созданием, в результате чего сама его концепция «смерти метанарративов» стала своеобразным мифом, сдерживающим появление тотальных критических теорий общества. В результате автор статьи приходит к выводу, что Лиотар «не приводит достаточных доказательств в пользу наступления какого-то качественно отличного этапа развития общества», зато утверждает, что состояние постмодерна есть не столько предвестник нового общества и науки, сколько «описание триумфального шествия экономического дискурса, который вытесняет и подменяет все остальные виды легитимирующих дискурсов». Все эти соображения (которых в статье намного больше, чем я перечислил) достаточно обоснованы.

Оценивая интерпретации теории постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара русскоязычными учеными, автор статьи приходит к выводу, что особенности их трактовки связаны с типичным для отечественной гуманитарной науки подходом к постмодернизму, а именно концентрации на эстетике, доминировании понимания постмодернизма как критики Просвещения и определенных художественных стилей; «недостаточному вниманию к социально-историческим условиям его появления и развития», «сглаживанию критических моментов, абсолютизации плюрализма при отсутствии выраженной классификации». Я, в силу недостаточного знания этой литературы, не могу судить о справедливости всех этих упреков, но из тех сочинений, которые мне известны, предполагаю, что подобные замечание не лишены основания.

Таким образом, представленная статья представляется интересным исследованием, содержащим научную новизну. Она написана относительно хорошим языком, что нечасто встречается в работах о постмодернизме. Я считаю возможным опубликование ее на страницах журнала.